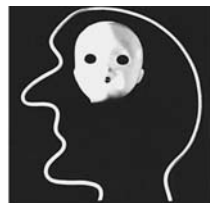

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА (Материалы круглого стола)

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

В предыдущем номере редакция начала публиковать материалы дистанционного круглого стола, проведенного журналом "Человек" и Новосибирским государственным университетом экономики и управления¹. Вниманию участников были предложены следующие вопросы для обсуждения:

- Остается ли наука, в том числе ее социально-гуманитарный "раздел" по-прежнему одним из базовых социальных институтов или ее статус и внутренняя конфигурация меняются, то в чем тогда суть происходящих изменений?
- Действительно ли, как считают некоторые исследователи, единая прежде гуманитарная наука разделилась на два мало связанных между собой явления: уходящую в прошлое традиционную науку, занятую проблемами истины, добра и красоты, и набирающую силу "индустрию производства социально-гуманитарных знаний и технологий" — большое бизнес-предприятие, производящее для нужд правящих элит интеллектуальные продукты, связанные с проблемами власти, управления трендами и капиталами?
- Трансформация научных стандартов и регулятивов имеет и ярко выраженное человеческое измерение. По-видимому, век гуманитариев-одиночек заканчивается. Смена поколений в науке, изменения в научном этосе в целом происходят крайне болезненно. Что нужно сделать, чтобы обеспечить преемственность?
- Сегодня быстро формируются гибридные направления, такие как биоинформатика, биоэтика, биомедицина и проч. Феномен НБИКС-технологий уже активно присутствует в многочисленных междисциплинарных исследованиях. Разработка же крупных гуманитарных проектов, в рамках которых осуществлялась бы серьезная гуманитарная экспертиза технических и социальных новаций, пробуксовывает. Почему? Ниже публикуются материалы дискуссии.

П.С.ГУРЕВИЧ. Наука, несомненно, остается одним из базовых социальных институтов. Она по-прежнему рассматривается как мощнейший рычаг построения новой человеческой цивилизации. Однако изменились ее социальная природа, статус и внутренняя конфигурация. Наука изначально стремилась создать систему универсального знания о мире. Ей соответствовал аристотелевский идеал "наблюдате-

ля", который позволил, в частности, выразить аксиомы и правила формальной логики, положенные в основу современного теоретического знания.

Однако со временем аристотелевский идеал наблюдения сменился диктатом полезности знания. Среда обитания человека преобразилась в огромную мастерскую, которая призвана обеспечить людям телесный и душевный комфорт. Наука из духовной

Круглый стол проводится в рамках проекта Российского научного фонда "Построение неклассической антропологии. Новая онтология человека" (грантовое соглашение № 14-18-03087).

¹ Окончание. Начало см.: Человек. 2015. № 2.

**Гуревич
Павел**

Семенович — доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии. E-mail: gurevich@rambler.ru

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

опоры человечества превратилась в орудие экономического прогресса. От неё ждут не разгадки таинств бытия, а прагматических усилий для улучшения человеческой жизни. Ценность знания теперь определяется его потенциальной утилитарной полезностью. С одной стороны, это, как будто, повышает статус науки: она ведь внедряется в различные сферы социального бытия. Но, с другой стороны, наука теряет самостоятельность. Она перестала быть особой корпорацией, а поступила на службу технократам и чиновникам. Из спектра научных проблем вымывается все, что не обладает оперативной полезностью. Наука стала революционизировать средства производства, но перестала влиять на другие сферы человеческой активности. Так, в науке укоренилось слово “технология”. Оно образовано от греческих *techne* (мастерство, специальность) и *logos* — знание. Речь идет по сути дела о мастерском знании. Наука, по существу, “скособочилась”. Она утратила обязанности облагораживания общества, воспитания чувств и души. Стерся образ “Педагогической провинции”, которую изобразил Гёте в романе “Годы странствий Вильгельма Мейстера”. В “провинции” менее всего изучали точные науки, зато занимались окультуриванием души.

Технократический идеал науки стягивает все многообразие мира к точечному прорыву в облуживании цивилизации. Ученый наблюдал действительность, технократ стремится покорить и деформировать ее. Отныне востребован не интеллект, а комбинация из аналитических способностей. Перед наукой ставится задача как можно скорее вычерпать природные ресурсы, создать новое цивилизованное пространство и заменить человека кибернавом.

Разумеется, прежний идеал науки, обращенный к истине, доб-

ру и красоте, продолжает существовать. Наука по самому своему определению обращена к глубинным метафизическим пластам человеческого бытия. Эти проблемы относятся к сфере гуманитарных наук. Однако в европейском общественном сознании укоренилась мысль о враждебности разуму этого вида знаний. Разделы этого знания, параграф за параграфом, стремились включить в сферу точных наук, а порой и преобразить его. Так, архитектура стала наукой количественных измерений, а история искусств превратилась в математическое осознание творчества. В свою очередь, и гуманитарные науки, стремясь улучшить свой имидж, стали брать на вооружение “строгие научные методы”. Это относится, в частности, к структурализму, к позднейшим версиям психоанализа. Деформация гуманитарного знания вызвала потребность в размежевании с точной наукой. В. Дильтей ввел деление на *Naturwissenschaft* и *Geisteswissenschaft*. Не вызывает сомнений тезис о том, что знание о “человеческом” существенно отличается от других видов знания. Предмет гуманитарных наук — исторический опыт, “бытие”, или “жизнь”.

Прагматическая наука стремится удалить гуманитарные предметы из образования. Обозреватель “Литературной газеты” Т. Воеводина называет все, что не относится к реиндустриализации, “болтологией”. Хорошо, если Т. Воеводина имеет в виду многочисленные центры, где готовят менеджеров, администраторов, которые готовы возглавить любой участок деятельности. Хуже, если “Литературная газета” имеет в виду все то, что не связано с реиндустриализацией.

Между тем гуманитарные науки способны содействовать прогрессу цивилизации не в меньшей степени, нежели точные науки. Они способны вернуть в социум утраченные ценности,

придать человеческое измерение общественной динамике. Современная технократическая наука направлена на укрепление власти элит, на дискредитацию собственно интеллектуальных ресурсов. Разговоры о медиатизации, компьютеризации и интеллектуализации социальной среды и человека отражают, на мой взгляд, однобокость цивилизационного развития. Мы стали заложниками науки, технизации, мы уверовали в то, что они облагодетельствуют человечество.

Гуманитарные науки, судя по всему, власть будет по-прежнему теснить. Впрочем, есть прекрасный рассказ Р. Шекли “Мнемон” о том, как в одном промежутке человеческой истории удалось истребить книжное знание. Но остались те, кто помнил эту мудрость. Наизусть. И они ходили по свету, передавая крупички знаний другим. Люди готовы платить за обрывки книг всем, что имеют. “Как обеспечить преемственность поколений”? Именно так, как написал Шекли. Гуманитарии-одиночки — М.М. Бахтин, Г.Г. Шпет, В.С. Библер — не нуждались в официальной поддержке. Чиновники хотят закрепить за каждым ученым конкретную, нужную им тему. Нет сомнений в том, что многие исследователи впишутся в эту тенденцию. Но никто не мешает гуманитариям заниматься своим делом. Еще есть издания, где можно отыскать единомышленников и поддержку коллег. Выдающийся русский философ В.В. Бибихин не мог предьявить свои книги Ученому совету Института философии в советские годы. Но его книги сейчас выходят одна за другой. А.Я. Гуревич рассказал в своих книгах, изданных за последние годы, как болезненно менялся этос ученого, как ученые были вынуждены обслуживать запросы официальной идеологии. Ю.М. Батищев сетовал на идеологический диктат, но не уступал своих позиций. Г.С. Померанц доказал, как можно в усло-

виях невыносимых гонений оберегать собственную, незаемную мысль.

Полагаю, что век гуманитариев-одиночек не может закончиться. “Второе сознание” (термин М.М. Бахтина, отражающий специфику гуманитаристики) невозможно захлопнуть. Оно пролегают сквозь века. Конфуций связывал с ним совершенствование человека. Он считал, что пустые раздумья без освоения духовных канонов губительны. Обучение — это не просто освоение ритуалов, а овладение примерами древности, примерами поступков и настроения древних героев и правителей. Он говорил: учиться и не размышлять — пустая трата времени. Учиться следует всегда и везде, не стесняясь обретать знание даже у прохожего или простолюдина. Конфуций создал открытую школу, подчеркивая благотворительно возвышенный характер обучения. Он был готов обучать за символическую плату, за “связку сушеного мяса” — именно такой связкой могли приносить жертвы духам. Казалось бы, чего удивительного, во всех странах есть проповедники, мессии, мудрецы, которые несут духовное знание. Но учитель передает не информацию, он задает нравственный ориентир. Он несет свой образ, свой духовный облик. Он ждет от учения живого переживания.

У гуманитариев есть возможность самим реализовать коллективные проекты. Вряд ли можно рассчитывать на постоянные гранты. Но имеются основания полагаться на солидарность единомышленников. Беда в том, что гуманитарии беспомощны перед властным диктатом. Но у них есть традиции выживания. Они и являются гарантом необоримости гуманитарного знания.

Понятно и то, почему пробуксовывает разработка крупных гуманитарных проектов, в рамках которых осуществлялась бы серьезная гуманитарная экспертиза

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии и проблем комплексного изучения человека философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: girenok@list.ru

технических и социальных новаций. Ценность этих проектов не признана, гуманитарное знание не востребовано. Научное сообщество могло бы восстановить прежний идеал науки. Он был немислим без истории, философии, религии и искусства. В наши дни этот проект предан забвению. Минобр надеется с помощью управленческих навыков повысить эффективность науки. Но это абсурдные надежды. Стремление до предела рационализировать научный процесс обернется непоправимыми утратами и будет иметь в ближайшие годы печальные последствия.

Ф.И. ГИРЕНОК. *О смене парадигм в науке.* Современная наука — это, конечно, наука XX века. Вернее, первой его трети. Эта наука лежит в основании нашей оптики, нашей коллективной чувствительности и наших технологий. Истину, красоту и добро нужно оставить этому времени.

В начале XX века в общественном сознании доминировали социальные науки. Они помогали объяснить смысл перехода от традиционного общества к современному. Когда в Европе этот переход был завершен, социальные науки прекратили свое “значимое существование” и вышли в отставку, оказавшись на периферии общественной жизни, где с тех пор и прозябают в интеллектуально жалком состоянии. Основной недостаток социальных наук состоит в том, что они социальное пытались объяснить социальным же, тогда как социальное является всего лишь продуктом разложения структур воображаемого. В результате социальное оказалось никак не связанным с экзистенциальным и Дюркгейм победил Тарда. Но эта победа стала для социальных наук пирровой. “Социальное без экзистенциального” превратилось в малопонятную неплодотворную абстракцию.

На смену социальным наукам пришли науки гуманитарные. Ис-

ток гуманитарных наук К. Леви-Стросс, например, усматривал уже в сочинениях Руссо. Гуманитарные науки постарались избавиться от недостатков социальных наук, выдвигая на первый план языковое поведение человека, в котором социальное предполагается неотделимым от человеческого “Я”.

Но если мы берем “Я” и социум вместе, как нам советовал Леви-Стросс, то тогда нам нужно взять на учет и внутренний опыт — то, без чего невозможно антропологическое. Но как его взять, если он не встраивается в трансцендентную перспективу, если предметы внутреннего опыта каждому даны непосредственно? То есть, они существуют в том случае, если мы хотим, чтобы они были. Гуманитарные науки вынуждены были поменять представление об объективном. Так Барт и сделал, объявив в работе “От науки к литературе”, что объективность — это одна из форм воображаемого, и ее нельзя перенести в научный дискурс, ибо в этот дискурс нужно будет встраивать рассказ о пережитом. А это недопустимо, ибо переживания субъективны.

Гуманитарные науки с самого начала колебались между признанием того, что у человека есть некое внутреннее бытие, которое не определяется обществом, и того, что никакого внутреннего бытия, не выраженного во внешнем, у человека нет. Так гуманитарные науки сами себя распяли между Дильтеем и Гадамером. И Гадамер победил Дильтея. Поскольку в человеке нет ничего внутреннего, постольку теоретически гуманитарные науки должны были отказаться от идеи трансцендентализма в понимании человека, доверившись исключительно эмпирическому опыту. Но “гуманитарное” без “трансцендентального” обесмысливает само существование гуманитарного знания, которое теперь вынуждено уступить место вновь формирующим-

ся когнитивным наукам, не нуждающимся в идеях априоризма.

Для того чтобы выжить, гуманитарные науки совершают коммуникативный поворот, объявляя о существовании некоего третьего, нейтрального феномена — того, в чем совпадает социальное, антропологическое и когнитивное.

Этим третьим является коммуникация. Итак, что же такое коммуникация? И в чем состоит философский смысл коммуникативного поворота гуманитарных наук?

Коммуникация. Человек может пребывать, по крайней мере, в двух состояниях. Он может быть на своем месте, и может быть не на своем месте. Быть на своем месте — значит, обладать полнотой бытия. А полнота бытия ни в какой коммуникации не нуждается, ни в какой обмен смыслами не вступает. Если бы она вступала в обмен смыслами, то она была бы неполнотой. Не язык, а молчание является адекватной формой полноты существования. Когда человек молчит, он дистанцируется от социума, открывая в себе самого себя.

Когда человек не на своем месте, когда он смещен в сторону от своего назначения, — тогда он вступает в коммуникацию. Вступать в коммуникацию — значит, сообщать о том, что ты не на сво-

ем месте, что ты — частичное существо и посредством коммуникации пытаешься восполнить изъяны своей частичности. Говорить — значит уже коммуницировать, создавать дистанцию по отношению к самому себе и посредством языка открывать себя внешнему, Другому.

Другой. Во времена Гегеля Другого называли “своим иным” и казалось, что Другой навсегда затерялся в складках гегелевской философии. Но Другого почему-то время от времени оттуда достают и всем показывают. Зачем? Ведь если мышление — это разговор с самим собой, то никакой Другой нам не нужен. Другой нужен для тех, кто думает, что истина рождается в споре, в диалоге. В споре, возможно, что-то и рождается, но не истина, а, скорее, практики вербальной суггестии. Человек мыслит в одиночестве, хотя и живет социально.

Коммуникативный поворот гуманитарных наук формулирует перед каждым из нас проблему: либо ты сам, но у тебя есть проблемы с коммуникацией, либо ты вступаешь в коммуникацию с Другим, и тогда у тебя возникают проблемы с твоей самостью. Коммуникация и самость не совместимы. Расширение пространства коммуникации ведет к дегра-

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

дании антропологической реальности, к необходимости искать себя где-то на дне у Другого. Ведь коммуницировать — это значит, говорить на языке Другого, того, кто тебя завершает, кто дает тебе целостность и знает тебя лучше тебя самого.

Всякая коммуникация строится не в плане выражения, а в плане ускользания слова в порядке знака. Мы коммуницируем не потому, что нам есть что сказать. Мы вступаем в коммуникацию для того, чтобы избежать встречи с самими собой, чтобы скрыть от себя свою пустоту. Прерывание коммуникации обнаруживает нашу ужасающую зависимость от обмена пустыми знаками. Любой диалог образует разговор, который ведет, в конечном счете, к болтовне, к разговору, которым не рождается предмет разговора.

Некоммуникативные истины. Монолог уже тем выгодно отличается от диалога, что ведет к молчанию, к тому, что отсылает тебя к самому себе. Монолог нельзя встроить в коммуникацию, ибо он всегда осмыслен. Коммуницируют в отсутствие смысла, тогда как в присутствии смысла люди молчат. Для того чтобы коммуницировать, то есть быть вместе и одновременно быть в состоянии коллективной неуместности, необходимо научиться лгать.

Ложь — условие коммуникации с Другим. Самообман — условие коммуникации с собой. Содержание коммуникативного опыта составляет демагогию, ибо язык коммуникации говорит больше, чем люди могут сказать. Любая истина некоммуникативна. Она монологична. Но именно поэтому она подлечит забвению в коммуникативном пространстве.

Язык и сознание в коммуникации. Благодаря коммуникации язык встал на место сознания. Сознание нуждается в том, чтобы человек оставался наедине с самим собой. А коммуникация представляет к нему Другого. Между тем, мыслить — означает, в центр

ставить себя. Тогда как говорить — значит, в центр ставить Другого. Нельзя одновременно мыслить и говорить.

Следствием коммуникативного поворота является то, что сегодня почти невозможно говорить от своего имени. А это значит, невозможно говорить искренне, то есть думать вслух. Для того чтобы говорить от своего имени, нужно быть предоставленным самому себе. Но коммуникация — это не что иное как отложенная встреча человека с самим собой. В каждый момент он опосредуется Другим.

Смена перспектив. Основания гуманитарных наук поставлены сегодня под вопрос в свете изучения феномена аутизма. Леви-Стросс, Бахтин и Выготский не были готовы к встрече с этим феноменом. Их методология теряет цену. Отвечая на вызов со стороны наук о мозге, гуманитарные науки пытаются разработать новый взгляд на субъективность, на сознание и бессознательное, на язык и знак. Среди имен, подготовивших философский поворот в гуманитарных науках, мы найдем Блейлера, Биона и Поршнева.

И.Ф. МИХАЙЛОВ. Судьба естественных и гуманитарных наук со времён Пико делла Мирандола до наших дней складывалась и продолжает складываться по-разному. В первом случае мы видим внутридисциплинарную строгость, однозначность терминов, ясность и продуктивность методов, внятные техники обработки эмпирического материала и его концептуальной интеграции и — как следствие — впечатляющие практические успехи, уважение со стороны правительств (в том числе и самых людоедских) и широкой публики. А если прибавить сюда сплоченное и мобильное международное сообщество ученых, говорящих на одном языке и думающих над одними и теми же проблемами,

Михайлов Игорь Феликсович — старший научный сотрудник Института философии РАН. E-mail: ifmikhailov@iph.ras.ru

XIV Международные
Лихачевские
научные чтения.
Санкт-Петербург,
май 2014

то — как у Чехова — “картина лунной ночи готова”.

На другом полюсе сравнения мы находим отсутствие устоявшейся тематики и проблематики; подчас странные фантазии, выдаваемые за “методологию”; неясность относительно того, что именно является эмпирическим базисом и где начинается теоретическая надстройка; неконтролируемое размножение непонимающих друг друга “школ” и явный недостаток — если не полное отсутствие — исторической преемственности знания, несмотря на всячески воспеваемый принцип историзма. Но самое печальное — полная разобщенность национальных сообществ гуманитариев, вавилонская разногласия не только национальных, но и профессиональных языков и традиций.

Эта ситуация не может не сказываться на сфере образования. Я не слышал споров о том, как следует преподавать физику или математику, должны ли они быть “русскими” и “православными”, следует ли предпочесть Гауса или Лейбница и т. п. А вот история или, скажем, философия после крушения коммунистического монолита очередной раз

превратилась в проблему, подступы к которой — предмет ожесточенных споров.

Мне кажется, корень этой ситуации — в методологической незавершенности дискуссий начала XX века относительно природы гуманитарного знания, его родства с естественными науками или, напротив, гетерогенности по отношению к ним. В ситуации “Карл Гемпель против неокантианцев” я болел бы за Гемпеля, но “гуманитарное сообщество” предпочло самостийность и незалежность. В результате подлинные точки роста на бывшей гуманитарной территории — математическая логика, структурная лингвистика, когнитивная психология — откочевывают в стан естественников, а “подлинные” гуманитарии продолжают вариться в собственном соку, изрядно застоявшемся.

Это не только отечественная реальность. Эпохи идеализма сменяются эпохами прагматическими, и наоборот. Первые, как мне кажется, совпадают с периодами стагнации и окостенения старых империй, вторые — с их разрушением и созданием новых социальных организмов, имперских или сетевых. В идеалистическую эпоху люди склонны верить,

что слово способно сделать государства “правильными”, а людей заставить жить “по истине”. Поэтому общественная и государственная поддержка достается тем, кто искусен в словоплетении и производстве “смыслов” (я никогда не понимал, что означает это слово во множественном числе). В прагматическое время ценность приобретают или очень простые идеологии, не требующие схоластической изощренности, или деидеологизированные технологии, или какое-то их сочетание.

Что нужно, чтобы гуманитарные изыскания не выродились в личные хобби?

Понять и принять, что успешная наука — это не про “что”, а про “как” и “сколько”. Чем бы она ни занималась — трением шестерней или томлением духа. Естествознание получилось потому, что Галилей сказал: “Никогда не стану от внешних тел требовать чего-нибудь иного, чем величина, фигура, количество и более или менее быстрые движения для того, чтобы объяснить возникновение ощущений вкуса, запаха и звука”. Качественные “знания” существуют более для самоуспокоения и создания иллюзии мудрости. Только количественные и формальные методы дают подлинную власть над миром, не раскрывая, впрочем, его тайн. Но ведь и “качественное” многообразие раскрывает их ничуть не в большей степени.

Иметь в виду, что науку нужно содержать. И занимаются этим правительство и корпорации — напрямую или через фонды. И да, в прагматическую эпоху наука начинает жить по законам бизнеса: изучаем потребности клиента и стремимся действовать проактивно. В особенно успешных случаях науке удается формировать потребности людей. Но — так же, как и в случае продажи стиральных порошков — не раньше, чем она научится удовлетворять существующие запросы. Гранты от

Министерства обороны США из сотен тысяч долларов получают не специалисты по “страху и теплоте”, а когнитивные социологи, исследующие, как должны быть организованы сетевые информационные потоки и взаимодействия, чтобы облегчить принятие решений солдатам на поле боя. Вот это и есть реальное современное человековедение.

Помните, что “боковым”, опосредованным клиентом для гуманитария является естествовник, который — в силу природы знания, языка и т. п. — продолжает сталкиваться с “проклятыми” вопросами. Не раз приходилось слышать от них: здесь нам необходимо слово философов. Но если они говорят так, значит слова они не слышат. И не из-за гуссерлианского “умолчания” моих коллег: говорят и пишут те весьма охотно. Но лишь немногие слышат вопросы естествовников, понимают их и стремятся дать именно тот ответ, который от них ждут. Среди гуманитариев должны быть в чести умение и склонность к меж- и трансдисциплинарному взаимодействию с естествовниками.

Нужно, наконец, научиться читать на чужих языках и вникать в чужие традиции, участвовать в чужих дискуссиях. Что греха таить, наука и образование на Руси — товар изначально импортный. И какой-либо “особый путь” возможен здесь только за счет снижения профессионального уровня, когда — одинокие, но гордые — мы станем жить в мире собственных, никому непонятных гуманитарных фантазий или будем обречены вечно повторять за какими-нибудь догадливыми немцами, что “если где-нибудь чего-нибудь будет, то в другом месте столько же прибудет”. Все наши золотые и серебряные века прекрасны, но, к сожалению, — в эпоху самиздата. В эпоху же грантов и внутринаучной конкуренции ходовой продукт — эффе-ктивные технологии (информа-

ционные, гуманитарные — не важно), а в этой области, как и во времена Петра, за мастерством пожалуйте в Голландию. И хорошо еще, что где-то там, в соседней Швейцарии, не так давно изобрели Интернет.

А.Н. ФАТЕНКОВ. То, что мы сегодня называем наукой, — это социокультурный феномен, который системно оформился в эпоху Нового времени и обильно впитал в себя ее буржуазный дух. Буржуазна — архетипическая — вся нововременная рациональность. Вспомним, у Р. Декарта Бог из личного абсолюта превращается в совершенного посредника, который только и нужен для того, чтобы устанавливать взаимодозначные соответствия между фрагментами идеальной и материальной квазисубстанций. Фундаментальный методологический принцип модерной науки, редукционизм коррелятивен матрице денег, универсального формального медиатора капитализма. Эволюция научных теорий и институций идет в параллель логике исторического движения капиталистического общества. И нечего удивляться, что сейчас, в условиях брендингового империализма, академические и университетские организации трансформируются в бизнес-структуры, где финансовые потокикратно значимее потока мысли, а имиджевые игры преваляют над содержательной работой.

Наука в своих социально-практических выходах обеспечивает повышение материального достатка и комфорта, стимулируя одновременно рост душевного безразличия и конформизма. За достаток и комфорт ответственны, по преимуществу, естественные и технические дисциплины, за безразличие и конформизм, к сожалению, — социально-гуманитарный блок. Казалось бы, все должно быть наоборот. Это физику-ракетчику все равно, какой политический режим и ка-

кой страны поможет отправить на Луну сконструированный им космический корабль. Это проектировщику моста понятно, что его детище одинаково необходимо и светским людям, и религиозным, и порядочным, и жуликоватым. Да, естественники и технари априори серьезно зависимы в средствах от государства и крупного бизнеса. Но вместе с тем, по обыкновению, они не склонны раболепствовать, ибо хорошо осознают, что в их продукции остро нуждаются и сами сильные мира сего, и их многочисленные подданные. Обществоведам и гуманитариям, напротив, для творчества не нужно ничего, кроме библиотеки, карандаша с бумагой, компьютера (как суммы от сложения пишущей машинки, читального зала и почтовых услуг), ну и, конечно, собственных мозгов и совестливого взгляда на жизнь. Но вот с последним-то элементом — а он в данном случае определяющий, с его недостатками и связаны наши основные проблемы. Для обществоведов и гуманитариев нет никакой жизненной необходимости заискивать перед партией, правительством и грантодателями. И когда сегодня читаешь (по должности иногда приходится) всю эту тематизированную “инновационную” ахинею в текстах по менеджменту науки и образования, экономике и, что куда страшнее, в текстах по педагогике и культурологии (о философии здесь и упоминать стыдно), — выстраивается невеселое резюме. Давешние советские диссертации о роли КПСС в организации пожарной охраны и пчеловодства в стране куда приличнее и реалистичнее нынешнего наукообразного нововдела. Обыгрывая фразу небезызвестного персонажа, скажу: когда слышу слово “инновация”, рука непроизвольно тянется к бедру — и не к женскому, увы, к своему: очень хочется ощутить ладонью рифленую рукоять, знакомую по годам армейской службы.

Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра

Фатенков Алексей Николаевич — заведующий кафедрой философской антропологии факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор философских наук.
E-mail: kfa@fsn.unn.ru

Говоря о блоке социально-гуманитарных наук, надо констатировать, что он, по сути, так и не сложился, не перерос в парадигмальное единство. Наверное, этого и не могло произойти, по крайней мере, в формате нововременной рациональности. Если любая гуманитарная дисциплина (к примеру, филология) синхронно является дисциплиной социальной (ведь человек не может не быть, хотя бы отчасти, существом общественным), — то обратное не верно. Не всякая социальная наука гуманитарна (симптоматично в этой связи название монографии В.Н. Ильина — “Негуманитарная социология”). Не каждая из них нуждается в человеке как единственном или даже приоритетном предмете изучения. Опасность таится не столько в том, что многие обществоведческие схемы корректно экстраполируются на поведение животных (тут мы все еще имеем дело с живыми существами), сколько в том, что некоторые обществоведческие алгоритмы (взятые, в частности, из каркаса экономических теорий) без ущерба для себя работают и во внечеловеческой среде, напичканной одними машинами, и отнюдь не самыми “умными”. Удручающее состояние, в котором пребывает сейчас отечественная школа, от начальной до высшей (за вычетом, быть может, “Высшей школы экономики”), все новомодные образовательные прожекты (дистанционные, тестовые, оптимизационные), ослабляющие или вовсе элиминирующие субъектный, личностный остоу человека, коррелятивны идентификации педагогики как скорее социальной, чем гуманитарной науки. Показательно: в новой версии Вестника Нижегородского университета педагогический раздел попал вместе с экономическим именно в социальную серию; философия, филология и история окажутся в серии гуманитарной.

Упрекая обществоведческие дисциплины в вольной или не-

вольной сдаче рубежей человечности, гуманитариям следует предельно критично взглянуть на себя, и взглянуть не со стороны. Что для обществоведов слабость, для гуманитариев — предательство. Речь здесь не идет о трафаретных правах человека и общечеловеческих ценностях, изрядно идеологизированных и политизированных. Стратегические задачи и проще, и сложнее:

- понимание того, что возможны ценности выше жизни, но сама вертикаль ценностей невозможна вне живого, одушевленного сущего;
- борьба за сохранение человека как природно-культурного уникама, живущего в богатстве естественного многообразия;
- установка не на уничтожение и не на манерное возвеличение *Другого*, а на подлинное обретение себя;
- апелляция к субъектному началу человеческого бытия и его личностнонравственному стержню, не обязательно ориентированному в направлении общественной морали;
- совершенствование способности понимания, укрепление позиций понимающего мышления, никоим образом не сводимого к герменевтическим, интерпретационным играм.

Человек не настолько плох, чтобы нам грезить постчеловеческим измерением, безразлично, в научной или религиозной системах координат. Постчеловеческие перспективы, о которых теперь немало дискутируют, откровенно незавидны. И потому, по мере сил, целесообразно притормаживать их развертывание. Появление постчеловеков неизбежно приведет к жестокой конфронтации с теми, кого не успели сделать таковыми и кто не захотел таковым стать. А подобные упрямцы найдутся наверняка. Пройграть могут все, человек, не исключено, надорвется раньше срока, но и у постчеловеков шансов на победу попросту нет. Они,

по всем прогнозам, предстанут существами более рациональными, нежели люди. Но жизнь глубоко сильно иррациональной фактурой. Человек пока не проигрывал никому, кроме самого себя, не только за счет хитрости разума, но и благодаря безрассудству.

Иррационально в основе своей и наше понимание, чрезвычайно важное для жизни и ее собственно гуманитарных реконструкций. Если захочу понять кого-то и что-то, быть может, пойму; не захочу — не пойму никогда и ни за что. Все толкования, сколь угодно изысканные и логически безупречные, вытекают из этого в той или иной степени алогичного желания.

Памятуя о стратегических задачах, гуманитарий не должен забывать о текущих социальных обязательствах: откликаться на актуальные общественные проблемы, делая по-настоящему понятным их содержание для людей. Слабая общественная востребованность нынешнего гуманитария обусловлена не тем, что он не производит джакузи и не всегда способен отыскать “правильный” ответ в тупоумном вопроснике ЕГЭ, а тем, что не пробуждает, чаще усыпляет человеческую совесть, замыкаясь на языковых играх и визуальных означающих, интересных узким академическим кругам и салонной публике.

Один в поле воин. В гуманитаристике, особенно в философии, это факт. Сегодня мы не уходим, напротив, возвращаемся к его адекватному осознанию. Научные школы вкупе с принципом дополнительности суть институциональные и методологические элементы “нормальной науки”, свидетельствующие, в числе прочего, и об ограниченности базовой парадигмы — в данном случае, нововременной. Ее механицистский строй гуманитария нет смысла защищать. Паллиативна сама по себе и междисциплинар-

ность. Однако она позволяет в массиве посредственных союзов нащупать неординарный подход, способный стать концептуальным ядром новой парадигмы. Гуманитаристика в сопряжении с биологией — утверждение жизни, ставка на человека, на субъект-субъектные отношения, до уровня которых подтягивается и естественнонаучная мысль, — вот, думается, единственно обнадёживающий сейчас интеллектуальный ориентир.

В.А. КУТЫРЕВ. **Вчера**, т.е. лет 10–15 назад, этот круглый стол, скорее всего, назывался бы: Гуманитарное познание: вчера, сегодня, завтра. О культуре и гуманитаристике как науке почти не говорили, осторожничали. Превалировало “человеко-искусство-литературо-музыка-знание” или даже “ведение”. В программах вузов и учебниках стояла тема: “Особенности социально-гуманитарного познания”. Не только чистые гуманитарии, но и выходцы из “физиков” не торопились считать знания о человеке как целостном телесно-духовном существе научными. Потому что есть “лирика”, а наука как таковая рациональна, в пределе стремится к количественному выражению и математизации. Есть также обыденное знание о жизненном мире, которое полнее, шире научного. Знаменитый математик, известный и как гуманитарий, Н.Н. Моисеев в 2000 году, размышляя о судьбе человеческой цивилизации, говорил: “Я убеждён, что XXI век должен стать веком гуманитарных знаний!”. Не сказал “науки”, понимая, что здесь существует проблема.

В английском языке знания разделяют на “*science*” и “*humanities*”. Общие знания о человеке, дискурс о нем, в основном, относили к “*humanities*”, близко к *liberal arts* — свободным искусствам. Многие позитивистски настроенные авторы считали качества *humanities* недостатком в знаниях

Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра

Кутырев Владимир Александрович — профессор кафедры истории, методологии и философии науки Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: kut.va@mail.ru

о человеке, другие наоборот, их сущностной спецификой. Это старый спор, в котором сторонники философии жизни от Руссо, Фейербаха и Ницше до экзистенциалистов, персоналистов, славянофилов, представителей христианской религиозной и восточной философии выступали против сведения всей философии к философии разума. Сущее не делится на разум без остатка, говорил Гете, тем более оно не сводимо к разуму. Человек, это континуальное телесно-духовное существо, эмоциональное, способное не только познавать, но верить, любить, волиять, бояться и надеяться. Значит, знания о нем не могут быть точными, инструментальными, они должны быть адекватными, сохраняющими его качественные характеристики. В то же время они предполагают рефлексии, а не просто выражение чувств и импульсов жизни. Отсюда познание как понимание, герменевтика и феноменология, психоанализ и проблемы духовного здоровья. Гуманитарное познание — мост между умом и сердцем, чувствами и рассудком, рефлекслирующая, осмысляющая себя жизнь и жизненная, укорененная в бытии рефлексия.

Сегодня эта сложность в подходе к человеку утрачивается. Он огрубляется и примитивизируется, что связано с общим характером развития нашей цивилизации и рефлекторно следующей за ним философии. Спор между духовностью и сапиентностью человека спроецировался на трактовку философии: что она такое — самостоятельная форма сознания, ведущая диалог между истинной и благом, ценностное осмысление всех форм культуры или же чисто(е) теоретическое знание, разновидность научного. Общенаучное. Уверенно побеждает второй подход: философия — наука. Значит, нужна и достойна существования только научная философия. Методология. Де-факто под маской философии сейчас

функционирует философия науки. Наука хочет говорить о себе как о мире, а обо всем мире — как о себе. Что институционально закрепилось в том факте, что аспирантам теперь вместо философии преподают истории и философии науки. Происходит сциентистское переорождение философии in toto.

И вот, наконец, сциентизм добрался до человека. Если в начале XX века говорили об антропологическом повороте, то адепты возникшего параллельно и после него структурализма объявили, что в познании надо не культивировать человека, а “растворить его” (Ф. де Соссюр). На месте философии человека возникает структурная, аналитическая, когнитивная = научная антропология, которая логично вписывается в перерождение философии в общенаучную методологию и в рассказы о достижениях (с) “переднего края” научных исследований.

Современная, ставшая научной, философия отказалась от целостного человека, оставив от него один мозг, а точнее, его левое полушарие. Понятие личности выходит из употребления, заменяясь “человеческим фактором”, “человеческим капиталом”, индивид рассеивается, превращаясь в мультивида, персонаж, сингулярность и т.п.

Что касается гуманизма как мировоззрения, рассуждений о человеке как высшей ценности, о целях и смысле его жизни, то о них философия просто забыла или превращает их в “гуманологию”. Гуманология — это, конечно, “научнее” гуманизма, да и антропологии, потому должна их заменить. Кто мы, откуда, куда идем, другие экзистенциальные заботы, мудрость — все это неактуально, устарело, нередко стало предметом иронии. Пропитанные сциентизмом авторы вообще не понимают, как можно о чем-либо говорить, не сводя к логицизму и исчислимости. Не случайно, вопрос о “гумани-

тарной науке” на нашем круглом столе инициирован совместно с представителями Новосибирска, где, пожалуй, самая сильная в России школа философии науки.

Завтра, к сожалению, обсуждение даже гуманитарной науки будет выглядеть вчерашним днем в подходе к человеку. Собственно, будущее уже отбрасывает тень в настоящее. Под этой т(с)енью место гуманитарных наук занимают гуманитарные технологии. По мере того, как сама классическая наука перерождается в технонауку, техносайнс, в универсальный технологизм и конструктивизм, и науки о человеке, остаточные созерцательные, переставшие отвечать на вопросы “зачем?” и “куда?”, но еще не забывшие вопрос “что?”, оказываются на обочине прогресса. Ведь технологии знают только вопрос “как?”. Завтра наш круглый стол, скорее всего, будет называться “Трансгуманизм и проблемы преодоления человеческого фактора в киберорганических системах”. Или: “Конструирование постчеловека: проблемы и перспективы”. Или будет решаться задача создания “гомутера”, некоего гибрида живого и неживого.

Проводиться он будет, скорее всего, в сотрудничестве с Томским университетом. Недавно, например, там была защищена докторская диссертация на тему “Искусственная жизнь как низвержение плоти: стратегия гибридизации”. В ней изложена суть нового отношения к человеку, его предостыжной судьбы: “Чтобы инициировать гибридизацию как стратегию, сначала необходимо концептуально и инструментально низвергнуть плоть с ее пьедестала индивидуального организма, уникальной живой формы на уровень биомассы — сырья для экспериментов и производства новой породы, притом не умертвляя ее, а радикально трансформируя. В низвержении плоти до ресурса и техники ее обработки просматривается страте-

гия индустриальной капитализации живого”².

Пора однако, отдать себе отчет в том, что если защищать человека можно было вчера, то завтра это будет практически невозможно. Прослыть атехнистом в эпоху победившего без(ду)много технократизма также опасно, как атеистом в Средние века. Но мы живем сегодня и надеемся хотя бы успеть сказать о драматической перспективе людей, называя вещи своими именами, полагая, что это еще допустимо, тем более в журнале “Человек”. Хотя вряд ли этот процесс можно остановить. Но видя многообразие форм биоэволюции, продолжающих существовать сотни тысяч лет, уповая на нелинейность и многовекторность процессов вообще, резонно предполагать разнообразие форм в эволюции разума. И, исповедуя парадигму полионтизма и коэволюции, заботиться о продлении своей, человеческой формы. *Нашей реализации возможных миров.*

В.М. НАЙДЫШ. Прежде всего, нужно определиться по поводу того, что, собственного говоря, изменилось — сама наука или ее образ в общественном (прежде всего, обыденном) сознании. А если и то, и другое, — то в каких моментах и пропорциях. Иначе говоря, каково здесь соотношение фундаментальных и производных, вторичных, в том числе и субъективных, составляющих.

Глубинные трансформации общественной жизни в России на рубеже XX–XXI веков сказались на развитии отечественной науки и техники весьма противоречивым образом. С одной стороны, демократизация общественной жизни, зарождение элементов гражданского общества, снятие многих командно-административных ограничений способствовали утверждению атмосферы свободного творчества, усилению критико-рациональных начал в науке, образовании. С другой стороны,

Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра

Найдыш Владимир Михайлович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов. E-mail: v.naidysh@bk.ru

² Вестник Томского государственного университета. 2013, № 370, с. 29.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

кто-то решил, что наука должна находиться вне поля внимания и заботы государства и финансироваться частным капиталом. А некоторые “горячие головы” даже заявляли, что нашей стране наука вообще не нужна, и уж, в любом случае, не нужна фундаментальная наука. В структурах государственного управления не было понимания того, что развитие науки не регулируется рыночными отношениями. Не только на фундаментальную (что является абсолютным условием), но даже и на неразрывно связанную с ней прикладную науку далеко не всегда может быть полноценный платежеспособный спрос. Результатом такой непродуманной политики явилось резкое сокращение финансирования науки, старение, а подчас и просто разрушение материальной базы как фундаментальной, так и прикладной науки, отток специалистов за рубеж, их уход в бизнес и др. Эти и ряд других обстоятельств привели, по существу, к развалу множества научных направлений, институтов, коллективов, научных школ. А ведь некоторые из них складывались десятилетиями и даже столетиями. Во многих отраслях у нас уже нет специалистов мирового уровня.

Параллельно в общественном сознании подрывался авторитет науки как формы духовной культуры. Газеты, радио, телевидение ориентировали молодежь на “прибыльные” формы деятельности, нередко можно было услышать, что “заниматься наукой не престижно”, с наукой “не модно” связывать перспективы будущего, наука — бесполезная, а то и вовсе деструктивная сила и пр., и пр. Сложился целый фронт антирационализма, который представлен различными формами оккультизма, неомифологии, язычества, магии, колдовства и др., претендующими на то, что они не нуждаются в науке и способны к “непосред-

ственному познанию” мира и сверхъестественному воздействию на природу, общество и самого человека.

Но существуют и глубинные фундаментальные тенденции, ведущие к смене статуса науки. Наука — это особая историческая форма познания мира, сформировавшаяся в определенных конкретно-исторических и социокультурных обстоятельствах. Познание может быть донаучным и вненаучным. (А также, по-видимому, и “посленаучным”.) Наряду с познавательной сферой (познавательным, когнитивным отношением, системой знаний) сознание включает в себя еще и сферу ценностей с ее аффективно-эмоциональной составляющей, которая определяет соционормативное и эстетическое отношения субъекта к миру. Когнитивный и ценностный функционалы сознания воспроизводятся характером деятельности и типами общения субъекта. При этом деятельность развивает преимущественно когнитивный, а общение — ценностный функционал. Будущее науки определяется исторически развивающимися взаимодействиями между когнитивным (объективно обусловленным) и ценностным (субъективно значимым) отношениями субъекта к миру (на первый план может выдвигаться либо когнитивное, либо ценностное отношение).

В эпоху постмодерна субъект становится в большей мере потребителем результатов деятельности, а не творцом ее форм. При том, что развитие средств информации, способов непосредственной коммуникации преобразует тип опосредованного общения, который определил становление и развитие цивилизации. Информационные способы коммуникации делают общение “опосредовано-непосредственным”. Сознание, воспроизводящее этот тип общения, характеризуется, во-первых, тенденцией возврата

от абстрактных форм постижения мира к наглядно-образным, более тесно связанными не с когнитивной, а с эмоционально-аффективной сферой духовности. Во-вторых, ослаблением волевого начала в деятельности человека. Эти две тенденции, на наш взгляд, определяют сдвиг познавательной активности в способе бытия человека в мире. По-видимому, на какой-то исторический период ведущая роль в нем отходит к соционормативному и эстетическому отношению к миру. (Одним из выражений этого сдвига является всплеск квазинауки, духовных “кентавров” вроде квазинаучной мифологии и пр.). Но при этом познание, трансформируя свои формы, не перестает быть моментом способа бытия человека в мире.

О каких трансформациях идет речь? В частности, в науке возрастает роль идеально-теоретической и предметно-практической активности субъекта. Это проявляется в зарождении качественно новых форм интеграции наук (конвергенция наук, НБИКС-технологии). Кроме того, растет значимость социально-гуманитарного познания, которое требует качественного обновления теоретико-методологического аппарата, отхода от устаревших научных парадигм XIX — XX веков. В социально-гуманитарном исследовании (как и в искусстве, литературе) “жизненный мир” субъекта входит не только в процесс, но и в результат исследования. Поэтому, я не думаю, что век гуманитариев-одиночек заканчивается. Может быть, в своих глубинных основаниях он только начинается.

Что касается гуманитарной экспертизы технических и социальных новаций, то она должна доводиться до уровня личности, ее ценностей, интересов и потребностей, а не ограничиваться учетом коллективно-корпоративных интересов, как это имеет место в настоящее время.

О.А. ДОНСКИХ. Мне представляется, что наука в качестве базового социального института приобретает сейчас гораздо большее значение, чем раньше, — сегодня она активно включена в те отношения, в которых ее прежде не было. Если раньше она связывалась, в первую очередь, с развитием и внедрением новых индустриальных технологий, то сейчас она опосредует социальные отношения разных уровней — от политических до семейных. Здесь и научно обрабатываемые технологии манипулирования, и принципы существования сетевых сообществ, и способы организации семейной жизни. И, что крайне важно и опасно, — новые формы самоидентификации на личном уровне. Естественно, меняется и ее статус: становясь привычной, наука воспринимается общественным сознанием в обыденном ключе, чего прежде не было. Что касается ее внутренней конфигурации, то главный процесс — это фрагментация. Наука рассыпается на отдельные области, представители которых взаимодействуют друг с другом, но сами парадигмы все больше расходятся.

Проблемами истины, добра и красоты наука как таковая никогда не была занята (хотя Бойль и говорил о цветах, вещающих нам принципы нравственности). Это проблемы философские, а философия имеет очень непростые отношения с научной деятельностью. Да, традиционно наука строилась вокруг личностей, задававших парадигмальные принципы в своих областях. А сейчас она организована институционально, и отдельные люди работают в предлагаемых обстоятельствах, в лучшем случае лишь частично трансформируя отдельные области. Но, во-первых, личности никуда не делись, поскольку идеи приходят в отдельные головы. А, во-вторых, все работает по принципу: образ жизни бедняков сегодня — это образ жизни богатых вчера.

Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра

**Донских
Олег**

Альбертович — доктор философских наук, профессор (PhD, Monash, Australia), заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: olegdonskikh@yandex.ru

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Микешин

Михаил

Игоревич —

доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Национального минерально-сырьевого университета «Горный» (СПб). E-mail: mic@mm1734.spb.edu

Что такое гуманитарий-одиночка, не очень понятно. Одиночек в науке никогда не было, поскольку в любом случае есть опора на предшествующую традицию. Наука изначально (если брать, по крайней мере, Древнюю Грецию) была сетевым предприятием. Интеллектуалы, даже работа в разных частях античного мира, знали друг о друге, путешествовали, чтобы приобрести знания, и т.д. Проблема преемственности особенно остро стоит в нашей науке, и здесь на первом месте не общемировые тенденции, связанные с фрагментацией науки, а чисто отечественные, связанные с разрушением сложившейся и отработанной поколениями системы образования и науки и кооптации в научные коллективы. Я вовсе не считаю, что прежняя система не должна была трансформироваться, но эта трансформация должна была быть разумной и понятной, а не унижительной и совершенно непродуманной. Преемственность обеспечивается не какими-то мерами сверху, а 1) нормальным образовательным процессом и 2) таким способом кооптации в научное сообщество, который принимается самим этим сообществом. В конце концов, физика и социология — это то, что считают физикой сами физики и социологией — социологи. Назначать физиками и социологами сверху нельзя. Это ответственность самих ученых. Понятно, что здесь работают и важные внешние факторы, но трест, по меткому замечанию О. Генри, лопается изнутри («Всякий трест несет в себе зерно собственной гибели»).

Здесь можно назвать разные причины: и слабое и неумелое финансирование крупных проектов, и отсутствие опыта их организации, и отсутствие специалистов соответствующего уровня. Но одна из наиболее важных — отсутствие у нас экспертного общества как такового. Дело в том, что экспертное сообщество

в качестве независимого института (а если оно зависимое, то оно не может быть по-настоящему экспертным) должно делать объективные заключения и рекомендации на основе того, что называется научными знаниями. То есть не подделываясь под желания заказчика. У нас же экспертизу заказывают только для одобрения тех или иных проектов. И, соответственно, тем экспертам, которые заведомо будут готовы дать нужную экспертизу. Либо вообще проводят определенные важные реформы без всякой экспертизы для облегчения собственной бюрократической жизни. Это очень хорошо иллюстрируют реформы в области образования и науки. Но даже в последнем случае у реформаторов есть карманные эксперты, которые готовы дать свое одобрение даже задним числом. Поэтому гуманитарной экспертизы у нас нет в принципе.

М.И. МИКЕШИН. Утверждение, что «наука является одним из базовых социальных институтов» — не объективная реальность, а составляющая одного из описаний общества. Словом, ответ на вопрос об «институциональном статусе» зависит от того, являетесь ли вы сторонником такого описания или его оппонентом.

Говорить о «науке» как некоем огромном целом довольно бессмысленно. Многие пытаются это делать, придавая «науке» образные черты живого разумного существа («наука развивается», «наука имеет в виду», «наука выживает», «наука предлагает» и т.д.). Такая метафоричность, возможно, хороша для популяризации или построения весьма общих абстрактных конструкций, но плоха для анализа.

Таким образом, речь идет об определенной метафизической модели науки, внутри которой только и можно говорить о сути происходящих изменений. Мо-

дель эта, по моему мнению, устала.

Я надеюсь, что традиционное понимание науки действительно уходит в прошлое. Однако и метафора разделения науки на две составляющие не предоставляет, на мой взгляд, сколько-нибудь исчерпывающего объяснения. Ученые всегда выполняли самые различные функции, а их тексты писались в самых разных научных жанрах.

Формулировка вопроса об ученых-одиночках и преемственности в науке тоже хорошо иллюстрирует устаревшую модель науки. Научные стандарты и регулятивы не могут не иметь “человеческого измерения”. Метафора “гуманитария-одиночки” пришла из времени, когда достижения людей и их креативность объяснялись исключительно индивидуальными талантами и гениальностью. Смена поколений — это тоже неудачная метафора для описания изменений в научном этосе, поскольку наука — это не племя и не семья. И, наконец, проблема совсем не в обеспечении преемственности — наоборот, проблема в отсутствии интересных гуманитарных предложений, которые бы кардинально изменили нашу метафорику и систему категорий.

Что же касается “разработки крупных проектов гуманитарной экспертизы”, — такая задача подразумевает довольно существенное уподобление социогуманитарных наук и задач наукам и задачам естественным и техническим. Во многом это связано не только с относительно небольшим числом людей, умеющим мыслить гуманитарно, но и с явными или неявными философско-методологическими позициями ученых. Так, по моим наблюдениям, подавляющее большинство искусствоведов и литературоведов мыслят в категориях классической теории отражения, считают, что произведение тем лучше, чем лучше оно “отражает жизнь”.

К этому “критерию отражения” практически обязательно присоединяется морально-нравственная оценка героев и авторов, т.е. искусству приписывается обязательная функция морали. В результате по своим философским и методологическим основам многие гуманитарные проекты оказываются на уровне XIX века. XX век как бы проходит мимо, вскрытые и прожитые им проблемы игнорируются, хотя за это время в мире происходили события и процессы такого масштаба, что под вопросом оказались самые грандиозные и продуманные мыслительные конструкции. Понятно, что в России все это связано в огромной степени еще и с политическими оценками.

Приведу пример таких гуманитарных дисциплин, как философия науки и история науки. Во второй половине XX века в мировых исследованиях происходит явный переход от взгляда на науку как на сферу чистой мысли к пониманию науки как работы с инструментами, как получения знания в результате рутинной работы, в которой индивидуальные озарения комбинируются с сетевыми структурами коллективной деятельности. В российской же гуманитарной и философской науке до сих пор выстраиваются всеохватывающие концепции науки как движения чистой мысли, идет борьба “экстернализма” и “интернализма” и налицо устойчивое сопротивление “социологизации” в понимании науки. Понятно, что движение в русле мировых тенденций требует того самого рутинного труда по изучению реально функционирующей науки и ее исторических кейсов, то есть работы в лабораториях и архивах. Наибольшим препятствием здесь является, по моему мнению, даже не отсутствие финансирования, но методологическая установка. Во-первых, долгая и кропотливая работа, навыкам которой еще необходимо научиться, не приносит

громкой славы и денег и часто непонятна окружающим. Во-вторых, тщательное и длительное изучение реальности может весьма быстро привести к политически “некорректным” наблюдениям и выводам.

К философско-методологическим установкам, которых придерживается современная гуманитарная наука в России, по моим наблюдениям, относится представление о том, что подавляющее большинство философских идей и конструкций “западной” (то есть, мировой) мысли последнего столетия — это своего рода болезни, противоположные отклонения от чего-то здорового и ясного. Разумеется, эти отклонения могут быть интересны для изучения и даже кое-какого заимствования, но в целом это проявления ненормальности. Видимо, поэтому многие ученые в России считают наивысшими (и последними серьезными) достижениями философской мысли Запада доктрины Канта, Гегеля, Маркса.

Другая глубинная установка заключается в том, что мысли, идеи и образы составляют особый “платоновский” мир, который можно изучать, абстрагируясь от людей. Сама операция такого “абстрагирования”, как и операции “обобщения”, очень редко подвергается анализу, считается сама собой понятной. Рождение новых идей остается по-романтически загадочным, тайной человеческой креативности.

Далее. Распространённый стереотип мышления, присутствующий почти у всех исследователей — позиция “с точки зрения государства” — специалисты воображают себя “советчиками государства” или крупными администраторами (“если бы директором был я”) — то есть единственным адресатом своих разработок видят государство. Позиция “государственника”, фактически, совпадает с точкой зрения “обобщения”, “разума”, “рациональности”,

“объективности”, “мира общих идей”.

Главные проблемы гуманитарной науки и в мире, и в России я вижу в том, что обозначено в последнем вопросе как “разработка крупных гуманитарных проектов”. Это сформулировано, на мой взгляд, неудачно, но мысль правильная — гуманитарии должны шире и интенсивнее сотрудничать, а они этого и не умеют, и не считают нужным. И вовсе не обязательно им собираться в большие проектные коллективы — ведь сегодня возможны самые разнообразные формы сотрудничества. Настоящее взаимодействие также требует долгого, повседневного и тщательного труда, смирения и взаимного уважения. Казалось бы, эти требования никак не относятся ни к развитию науки, ни к содержанию получаемых ею знаний. Действительно, убедительно выстроить “теоретическую цепочку”, объясняющую такую связь, довольно трудно. Однако такие попытки разной степени успешности делались и делаются. Практически же очевидно, что структуры отношений в научных сообществах как-то образом влияют на их научную продуктивность.

Приведу примеры. Исследования петербургских социологов продемонстрировали, что существующие сообщества социологов организуются не по принципу общности взглядов или методологий, а по принципу связи с той или иной институцией. Российские “толстые журналы” часто образуют вокруг себя почти закрытые сообщества по принципу “свои-чужие” и “против кого дружим” — “чужие” подвергаются остракизму или свирепой критике вплоть до доносов. Конференции внешне выглядят конференциями, но часто сводятся к “кукареканьям”, которые никто не слушает, и к установлению ритуального “порядка клевания” вместо плодотворных уважительных обсуждений научных проблем. В самом

деле, зачем обсуждать проблемы, если главное, что определяет жизнь ученого, — это принадлежность к институции.

Я вынужден с глубоким пригорбием признать, что наше российское общество и входящие в него сообщества социогуманитарных исследователей находятся в состоянии почти полного распада после антропологической катастрофы, случившейся с Россией в XX веке. Смертельная болезнь нашего общества очевидна даже без всякого сравнения с остальным миром. Возможно, наше общество так и не сможет от нее оправиться. Во всяком случае, пока нет абсолютно никаких признаков выздоровления, наоборот, повсюду процветают примитивные оптимистические и великодержавные схемы, составленные в рамках указанных выше стереотипов.

Мыслящие люди в России за последнюю пару столетий не просто потерпели фиаско в попытках теоретически осмыслить жизнь нашего общества. Они с позором провалились несколько раз, например, в понимании того, что произошло в стране в начале XX века, что произошло в его конце, не понимаем мы и того, что происходит сейчас. Гуманитарных наук сегодня в России нет, остались только отдельные гуманитарии. Если же говорить о перспективе, то социогуманитарные науки могут появиться в России только в том случае, если ученые не будут ждать милости извне, особенно от государства, а сами этого захотят и будут над этим усердно работать, а также усиленно, терпеливо и уважительно налаживать сотрудничество друг с другом и с коллегами во всем мире.

А.П. МАРКОВ. Парадигмальная модель интеграции гуманитарных (обществоведческих, человековедческих) наук, которая начала складываться во второй половине XX века, является магистральным направлением раз-

вития научного знания. Необходимость междисциплинарной интеграции была вызвана многими причинами. Во-первых, появились жизненно важные “гуманитарные” проблемы, “онтологический масштаб” которых превышал гносеологические возможности каждой науки в отдельности; во-вторых, была осознана ограниченность ресурсов и даже исчерпанность возможностей классических наук (в том числе и в силу аналитического, “абстрактного” характера традиционных научных дисциплин) в деле разработки сценариев и механизмов решения принципиально нового класса задач.

Понимание специфики и возможностей парадигмальной организации гуманитарных наук (в том числе уточнение критериев объективности получаемой информации, разработка специфических способов исследования и методов конструирования реальности) актуализировало проблему концептуализации лежащего в ее основе научного метода. Последняя однако не получила убедительного решения до сегодняшнего времени. Любое знание (гуманитарное прежде всего), помимо отражения и интерпретации реальности, онтологизирует ее, воспроизводит ее на уровне модели, поскольку научный метод, помимо прочего — это система рационалистических приемов и мировоззренческих принципов *конструирования истины*. Концептуализация путей и способов исследования, понятийный аппарат, принципы интерпретации исследуемого материала — все это во многом определяет и легитимирует ту или иную *картину мира*.

В самом общем виде многообразии методов, лежащих в основе социально-гуманитарных наук, можно свести к двум концептуальным рамкам: во-первых, позитивистская методология, претендующая на рационалистическое и объективное описание мира; во-вторых, экзистенциально

Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра

Марков Александр Петрович —

доктор педагогических наук, доктор культурологии, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. E-mail: markov_2@mail.ru

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

ориентированные концепции (понимающие, антропоцентрированные, морально-ценностные), выдвигающие на первый план проблемы смысла жизни, добра и справедливости, свободы и ответственности. В формирующихся сегодня гуманитарных парадигмах доминирует вторая концепция, что обусловлено антропоцентричным и культуроцентричным характером их проблемного поля, а также исчерпанностью позитивистского метода с его гипертрофированной “строгостью” используемой терминологии и “осторожным” отношением к обобщениям. Отличие научной парадигмы, с одной стороны, от философского дискурса, от методологии частных наук, с другой, — состоит в том, что здесь, во-первых, возможна (и происходит) органичная интеграция результатов и методов различных областей социально-гуманитарного знания вокруг актуального “проблемного поля” (т.е. исследовательская мотивация не столько связана с “холодным” интересом интеллекта, сколько детерминирована целостным стремлением личности понять ситуацию и оптимизировать ее с помощью ресурсов и в рамках своей научной компетенции); во-вторых, как уже отмечалось, в парадигмальном знании большое значение имеет экзистенциально ориентированная методология; в-третьих, формирующие парадигму науки интегрирует специфический метод познания, в структуре которого важнейшее место занимает креативно-онтологическая линия. Парадигмальный метод предполагает не только задействование рациональных ресурсов личности, но и включение иных ее энергий, с помощью которых не просто понимается, но и создается модель реальности — картина мира. Парадигмальный метод не только анализирует, интерпретирует и понимает, но и “собирает” “гуманитарную реальность”, “разбросанную” по

разным проблемным областям, онтологизирует человека, культуру и общество как целостности. При этом парадигмальные концепции, интерпретирующие реальность, могут носить взаимоисключающий характер.

Подобный путь становления прошли многие известные научные парадигмы. В частности, так формировалась системно-функциональная концепция в социологии, интегрирующая на базе единой методологии различные науки общественной направленности. Соответствующий алгоритм конституирования обнаруживает синергетическая парадигма: вначале научным сообществом рефлексивируется область реальности, не объяснимая в рамках классических научных концепций, которая затем онтологизируется посредством специфической системы абстракций (“нелинейные среды”, “динамический хаос”, “гомеостаз”, “бифуркации”, кооперативные эффекты” и т.п.). После этого стоящие за абстракциями реальности (которые ранее входили в предметную область других наук) структурируются в новые интерпретационные модели, онтологизирующие синергетическую картину самоорганизующейся реальности (или “дисциплинарную онтологию”).

В системе гуманитарных наук типичным примером парадигмальной организации знания является культурология, имеющая междисциплинарный статус, интегрирующая результаты других наук социально-гуманитарного профиля вокруг определенного проблемного поля и на базе специфического метода³. Генезис культурологической парадигмы связан, прежде всего, с формированием определенного гуманитарного сообщества, объединенного культурологически центрированным дискурсом. В структуре метода изначально обнаруживается доминирование личностно ориентированной методологии (обращение гуманитарного сооб-

³ См.: Запесоцкий А.С., Марков А.П. Современная культурология как научная парадигма // Вопр. философии. 2010. № 8.

щества к актуальным вопросам бытия человека в мире), переакцентировка с рассудочно-познавательной мотивации на проблемную детерминированность. Особенность метода, цементирующего культурологическую парадигму, состоит в том, что он, интерпретируя “тексты культуры”, одновременно онтологизирует культурную реальность, фиксируемую категорией “культура” (последняя понимается теперь в предельно широком формате: как сотворенная человеком материальная и духовная среда его обитания; форма созидания и выражения человеческой природы; экзистенциально ориентированный “массив” способов и результатов деятельности людей, в которых воплощается, утверждается и развивается человеческая духовность; как “духовный генофонд”, обеспечивающий самоидентичность и целостность социума, своеобразная “иммунная” матрица, позволяющая субъекту распознать образ других культур и обрести свою духовную идентичность). Наконец, культурологическая мысль синкретична, она выходит за пределы “законченных форм” чистой научности. С одной стороны, она тесно связана с философией, социологией, политологией, использует соответствующие методы интерпретации культурной реальности и вне-

дряется в соответствующие проблемные области этих наук. С другой стороны, своей антропо- и логоцентричностью культурология близка различным формам гуманитарного знания, органично встраивая в свой метод, наряду с понятийно-логическими формами мышления, образно-ассоциативные способы интерпретации и онтологизации мира культуры (И.В. Кондаков). При этом культурология не обязательно обращается к культуре в ее эмпирических формах: она на более высоком уровне обобщенности создает и воссоздает феномен культуры как системной целостности, используя для этих целей результаты других наук социально-гуманитарного цикла путем переосмысления и переинтерпретации эмпирических сведений и базирующихся на них концепций, наведения смысловых мостов между различными областями знаний, выявления их взаимодействующего характера. Это не только придает культурологическому знанию подлинно комплексный и междисциплинарный характер, но и обеспечивает синергетический эффект вовлекаемых в пространство культурологического метода знаний.

Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра

*Материалы дискуссии
подготовил*

© 2015 М.А. МАНУИЛЬСКИЙ